

© 2026. Е. А. Осипова

Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
г. Москва, Россия

Героизм и ратный подвиг в сербской традиции в свете русско-сербских литературных пересечений

Аннотация: В статье в контексте общеславянских культурных и литературных русско-сербских связей исследуется героический идеал, воплощенный в сербской национальной традиции. Изучение характерных образов и сюжетов сербских эпических песен, поэм Петра Негоша «Горный венец» и «Луч микрокосма», старофранцузской «Песни о Роланде», испанской «Песни о моем Сиде», англосаксонской поэмы «Беовульф» позволяет высказать убеждение, что герои сербского эпоса воплотили в себе общеевропейский тип героя-защитника христианской веры и родной земли. Наиболее отчетливо это прослеживается в Косовском цикле народных песен, воплотившем принцип нераздельного двуединства героизма и мученичества и послужившего отражением сербского национального характера. Выявлено, что описанные в русской и сербской литературе примеры героического поведения в ситуациях экзистенциального выбора восходят к единому сознанию, зародившемуся еще в период индоевропейской общности. Свое дальнейшее развитие и оформление это сознание получило в рамках исторического опыта христианской Европы, неотъемлемой частью которой являются и славянские народы.

Ключевые слова: Героизм, сербский эпос, Косово, славянский мир, русско-сербские литературные связи, Вук Караджич, Негош

Информация об авторе: Елена Осипова Аркадьевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25А, стр. 1, 121069 г. Москва, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Лихов переулок, д. 6, стр. 1, 127051 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2626-3848>

E-mail: osipovv@rambler.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 01.09.2025

Дата одобрения статьи рецензентами: 21.01.2026

Дата публикации статьи: 25.06.2026

Для цитирования: Осипова Е. А. Героизм и ратный подвиг в сербской традиции в свете русско-сербских литературных пересечений // Два века русской классики. 2026. Т. 8, № 2. С. 46–71. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-46-71>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution
4.0 International (CC BY 4.0)

Dva veka russskoi klassiki,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 46–71. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 8, no. 2, 2026, pp. 46–71. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2026. Elena A. Osipova

A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences
Saint Tikhon's Orthodox University for the Humanities
Moscow, Russia

Heroism and Martial Valor in the Serbian Tradition Through the Prism of Russian-Serbian Literary Intersections

Abstract: The article examines the heroic ideal embodied in the Serbian national tradition within the context of pan-Slavic cultural and literary Russo-Serbian connections. A study of characteristic images and plots from Serbian epic songs, Petar Njegoš's poems "The Mountain Wreath" and "The Ray of the Microcosm," the Old French "Song of Roland," the Spanish "Song of My Cid," and the Anglo-Saxon poem "Beowulf" leads to the conviction that the heroes of the Serbian epic embody a pan-European type of hero — a defender of the Christian faith and the native land. This is most clearly evident in the Kosovo cycle of folk songs, which embodies the principle of the indivisible duality of heroism and martyrdom. This cycle reflects the Serbian national character, where sacrifice and love of freedom are understood as the highest virtues. The article revealed that examples of heroic behavior in situations of existential choice, described in Russian and Serbian literatures, stem from a unified consciousness that originated during the Indo-European community period. This consciousness further developed and took shape within the framework of the historical experience of Christian Europe, of which the Slavic peoples are an integral part.

Keywords: Heroism, Serbian epic, Kosovo, Slavic world, Russo-Serbian literary connections, Vuk Karadžić, Njegoš

Information about the author: Elena A. Osipova, PhD in Philology, Senior Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St., 25A, bld. 1, 121069 Moscow; Saint Tikhon's Orthodox University of Humanities, 6 Likhov Lane, bld. 1, 127051 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2626-3848>

E-mail: osipovv@rambler.ru

Received: September 01, 2025

Approved after reviewing: January 21, 2026

Published: June 25, 2026

For citation: Osipova, E. A. "Heroism and Martial Valor in the Serbian Tradition Through the Prism of Russian-Serbian Literary Intersections." *Dva veka russskoi klassiki*, vol. 8, no. 2, 2026, pp. 46–71. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2026-8-2-46-71>

В литературе европейских, а также славянских народов со времен апостольской проповеди и раннего средневековья сложился классический образ воина-героя, храброго защитника христианской веры и родной земли. На формирование таких представлений оказали влияние примеры христианской агиографии и гимнографии [Осипова 2019: 492–507], художественные образы и сюжеты национального эпоса, получившие дальнейшее развитие в исторических хрониках, воинских повестях и произведениях военной тематики иных жанров.

В литературе Нового и Новейшего времени восприятие героического претерпевает некоторые изменения, однако устоявшийся образ героя по-прежнему остается востребованным и актуальным. Сопоставление русских и сербских литературных сюжетов о героях, лежащих в основе исторической и коллективной памяти славянских народов, позволяет выявить сходство и своеобразие родственных культур, расширить представления о месте и роли национальной традиции в мировом наследии.

Ф. М. Достоевский, выступая на открытии памятника А. С. Пушкину в Москве, говорил о всемирной отзывчивости русской культуры и русского человека [Достоевский: 145–146]. Эта черта в немалой степени присуща и сербскому самосознанию, которое уже со времени святителя Саввы (1169–1236)¹, ставшего живым символом и олицетворением сербства, органично сочетает в себе вселенскую широту, с одной стороны, и глубокую укорененность в национальной традиции — с другой [Числов 2012: 77–86]. Исторически принадлежа к единой православно-византийской цивилизации, культуры двух славянских народов обладают и своим неповторимым своеобразием. В основе его — уникальное духовное

¹ Иногда в литературе в качестве года рождения святителя указывают 1175 г.

начало, отражающее специфику внутреннего устройства русского и сербского народов.

Русский религиозный философ И. А. Ильин достаточно точно определил особенности и значение сербской культуры в ряду национальных традиций других народов мира. Рассуждая о любви к всеобщему духовному достоянию, он говорил о необходимости признавать национальное наследие разных народов. При этом в сербской культуре, которую мыслитель хорошо знал и ценил, он выделял ее ярко выраженный героический стержень:

...великое русское велико для всех народов; гениальное греческое гениально для всех веков; героическое у сербов заслуживает преклонения со стороны всех национальностей; то, что глубоко и мудро в культуре китайцев или индусов, глубоко и мудро перед лицом всего человечества [Ильин: 212].

Героическая составляющая сербской культуры как отражение народного самосознания более всего воплотилась в богатейшем эпосе сербского народа. И в XIX в. это хорошо знали отечественные исследователи культуры славянских народов, литераторы и мыслители. Русский литературный критик и этнограф Н. И. Надеждин (1804–1856) с полным основанием называл собрание сербских эпических песен Вука Караджича «истинно бесценным сокровищем не для одних сербов, но для всего славянского мира» [Надеждин 1841: 517].

К настоящему времени высокие идейно-художественные достоинства сербского героического эпоса достаточно хорошо известны и подробно изучены. На это, прежде всего, указывает обширность тематики исследований, посвященных сербской эпической поэзии [Михајловић, Лајић: 54–59], [Вукић: 64–67]. Отметим, кроме того, богатое разнообразие ее форм и жанров. Сербский эпос в XIX в. стал широко известен во всем культурном мире Европы, а также за его пределами, благодаря деятельности фольклориста и этнографа Вука Стефановича Караджича (1787–1864). Между тем история изучения сербской эпической традиции наметилась еще в XVIII в. и, достигнув своего апогея в XIX столетии, продолжалась вплоть до начала — первой половины XX в.

В этот период многие выдающиеся деятели мировой культуры проявляли самый живой, неподдельный интерес к сербской эпической по-

эзии и высоко оценивали ее идейные и художественные достоинства (И. В. Гёте, Якоб Гримм, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, Адам Мицкевич и др.), а некоторые из них даже принялись за изучение сербского языка. Из всех произведений сербской литературы на иностранные языки (включая и русский язык) чаще всего переводились произведения именно героического эпоса. Сначала, сразу после выхода в свет первого сборника народных песен Вука Караджича (1814), — в Западной Европе, а затем — и в России и в других славянских странах [Топић: 141], что способствовало и установлению первых литературных русско-сербских контактов (в XIX в.).

Со временем сербские эпические песни становятся все более популярными и начинают выступать своеобразной презентацией сербского народа и его культуры на международной арене. Например, на Всероссийской этнографической выставке 1867 г. сербский раздел был представлен в виде многофигурной сцены, на которой располагался слепой гусляр, исполнитель эпических песен, а вокруг него — слушатели, облаченные в разные сербские национальные костюмы [Кузьмичева: 90]. Славянские авторы нередко упоминали произведения героического эпоса в научных трудах о сербах, их языке и культуре [О Serbji: 4], [Кульбакин: 3]¹. Эти обстоятельства указывают на необходимость изучения сербской эпической традиции для более основательного и глубокого понимания идейно-художественного своеобразия национальной культуры и литературы в целом.

Сербские эпические песни в художественной форме воплотили в себе средневековый европейский идеал чести и воинской доблести, всецело проникнутый христианским мироощущением. На последнее обстоятельство указывают фундаментальные исследования о характере и содержании сербской эпической поэзии [Атанасије (Јевтић) 1992], [Алексић 2002: 496–499]. Само понимание героизма в сербском сознании исторически неразрывно связано с необходимостью борьбы за национальные святыни и православную веру с оружием в руках, что многие века считалось для серба высокой честью.

¹ В предисловии к русскому пособию по изучению сербского языка профессора Харьковского университета С.М. Кульбакина (1873–1941) указано, что приводимые в пособии сведения ценны еще и потому, что сербский язык «является органом интересной литературы и богатейшей народной поэзии». См.: [Кульбакин: 3].

Подтверждением тому служит свидетельство словенца Бенедикта Курипешича, который в 1530 г., по поручению короля Австрии Фердинанда I, направился в составе посольства в Стамбул к турецкому султану в качестве переводчика для заключения перемирия. Это путешествие проходило через Балканы, включая земли тогдашней Сербии и Боснии, с документальной точностью описанные автором в его путевом дневнике. Пребывая в одном из поселений в сербской Боснии, путешественник обратил внимание на слова, высеченные на каменном надгробии воеводы Радослава Павловича (1390–1441) от имени покойного:

Я воевода Павлович из села Рада <...>, господин и правитель этой земли, лежу здесь в этой могиле. Пока я был жив, турецкий царь никаким геройством, никакими дарами, борьбой или силой великой не мог меня с моей земли вытеснить или победить; еще менее думал я отречься от своей веры. Бог мне дал много раз победить турок. Благодарение и слава Богу, что я всегда веровал и свою землю оставляю пока ещё в христианской вере [Kuripešić: 28–29].

Смысл последних слов сербского воеводы понятен в свете того факта, что он скончался в то время, когда Босния еще не подпала под власть османов — это случится позже, в 1463 г.

Не менее содержательна и другая эпитафия на надгробии меньшего размера рядом с могилой воеводы, которая тоже привлекла пристальное внимание путешественника. Речь идет о некоем «верном слуге и витязе» упомянутого героя. Курипешич в своем дневнике подчеркивает, что о героических подвигах самого этого слуги воеводы Павловича и теперь «еще много поют боснийцы и хорваты» [Kuripešić: 29]. По свидетельству путешественника, на надгробном камне этого безымянного витязя остались высеченными его слова:

Воевода Павлович, господин мой, тебя любил я во время своей жизни и верной службой служил тебе. Сейчас лежу мертвый у твоих ног, потому что хочу и в земле быть тебе верным слугой. Ты это заслужил, славный и доблестный князь, ибо твой меч за веру христианскую посек много турок [Kuripešić: 29].

Смысл слов сербского воина, вдохновленного идеей защиты веры от иноверцев с оружием в руках, является общим достоянием мировой культуры. Этот героический пафос ярко представлен в одном из сюжетов старофранцузской поэмы «Песни о Роланде». В ней описано, как граф Роланд, племянник императора Карла Великого, насмерть рубился с маврами за «милую Францию» и христианскую веру с помощью своего меча Дюрандаля, в рукоятку которого вложены частицы мощей святых и священные реликвии [Песнь о Роланде: 72]. Приведенные слова эпитафии отсылают нас и к сюжету англосаксонской эпической поэмы о Беовульфе, поразившем опасных болотных чудовищ, которые в течение многих лет охотились на воинов легендарного короля Хродгара. Согласно поэме, в решающий момент поединка с женщиной-монстром, матерью чудовища Гренделя, Бог посылает герою меч гигантов со светозарным клинком, о котором Беовульф говорит: «Этим лезвием, с помощью Божьей удалось одолеть мне вод владычицу» [Беовульф: 108].

Приведенные сюжеты возникли в ту героическую эпоху раннего средневековья, когда западная Европа, по выражению А. С. Хомякова, еще была «страной святых чудес» [Хомяков 1900], а христианская вера составляла основание всей европейской культуры, впоследствии более всего отобразившись в сознании и культуре православных славян, у которых эти героические традиции и лучше сохранились. Так, древний обычай делать надписи на холодном оружии в XIX в. был распространен, например, у казаков: вспомним девиз «За Веру и Отечество», выгравированный на клинках шашек казаков, сражавшихся под командованием героя Кавказской войны, генерала Я. П. Бакланова (1809–1873).

В сербских народных песнях, а также в произведениях литературы Средних веков и Нового времени, при упоминании оружия или военной тематики, часто встречается мотив света или сверкающей молнии как метафоры грозного оружия. Эпический герой Марко Королевич сражается «светлой саблей позолоченной» [Сувајџић: 31], а в сербском крылатом выражении из Черногории подчеркивается, что «в бою бьется не светлое оружие, а сердце юнака». Духовный писатель и агиограф XV в. Григорий Цамблак в житии сербского короля Стефана Дечанского, описывая его возвращение с битвы при Велбужде (1330), пишет:

А победитель Стефан, украшаясь *светлыми* победами, возвратился к себе домой, а народ встречал его и венчал победными песнями, воздавал хвалу и дивился, благодаря Бога, за то, что обрели такого царя, сильнейшего среди первых [Цамблак].

В народной песне Косовского цикла «Сон царицы Милицы» тьма, опускающаяся на Косово поле, служит аллегорией надвигающегося турецкого нашествия [Сан царице Милице: 187–196]. У Ивана Вазова, болгарского поэта второй половины XIX в., в стихотворении «Свобода или смерть» метафорой продолжительного османского ига выступает «мрак ночной», опустившийся на славянскую землю, а надежда на грядущее избавление ассоциируется с «лучом свободы» [Вазов: 32]. Схожая эстетика противопоставления света и тьмы встречается в произведении А. С. Хомякова «Сербская песня». Это поэтический отклик на героическую борьбу сербов за независимость от османов и реакция на их ожесточенную борьбу с венгерскими повстанцами в 1848 г. В стихотворении иносказательно передана надежда на скорое пробуждение спящего до той поры эпического героя Марко Королевича, способного освободить славян от угнетавших их иноверцев:

Гаснет месяц на Стамбуле,
всходит солнышко светло.
И маджар, и турка злого
никнет гордое чело [Хомяков 1873: 358].

Символика восходящего солнца, побеждающего тьму, пронизывает многие сербские поэтические произведения и народные песни о Косове, в том числе и современные, например: «*Сини јарко сунце са Косова...*»; «*Са Косова зора свиће, свиће, свиће нови дан...*», «*Ој јунаштва свијетла зора*», «*Огријало сунце са Косова равна...*» и другие. Эти образы выступают в песнях художественной аллегорией, возвещая грядущее освобождение и твердую готовность сербов отстаивать свое право на родную землю и защиту христианских святынь. Сербский поэт Ф. Радичевич в стихотворении, написанном на именины наследника Черногорского Даниила Петровича Негоша 17 декабря 1874 г., выражает уверенность, что для сербства взойдет заря радостного дня. Поэт

вдохновляет князя всегда оставаться борцом за сербский царский гор-
род Призрен и священную землю Косова и Метохии:

Живи нам дуго наслідни кнеже!
На радост и дику народа свог;
Све Српство у те наду полаже,
Да будеш борац Призрена твог¹.

(Живи долго, наш наследный князь!
На радость и гордость своего народа;
Все сербство надежду на тебя возлагает,
Да будешь борец твоего Призрена)².

На значение солярной символики в сербской национальной традиции указал современный отечественный сербист И. М. Числов в статье «Солнечный героизм Негоша. О некоторых типических особенностях поэмы “Луч микрокосма”». В этой работе автор исследует примеры художественного языка и образы творчества Петра II Пётровича Негоша, крупнейшего сербского поэта, митрополита и правителя Черногории. Указывая на сербские национальные особенности празднования Рождества Христова [Числов 2001: 27–31] и обряда крестной славы [Церович], восходящие еще к индоевропейской традиции, он заключает, что воплощенная в религиозно-философской поэме «Луч микрокосма» и в творчестве Негоша в целом сербская героическая поэтика пронизана солнечной космологией, которая органично переосмыслена в духе христианской традиции [Числов 2017: 139]. Подобный взгляд связан с эпическим и всечеловеческим видением мира как «отличительной чертой сербской поэзии вообще и признаком древнего европейского восприятия, выражением волевого, деятельного начала» [Числов 2017: 134].-

В заключительной части поэмы Негош, описывая духовное состояние языческих народов, населявших европейский континент до

¹ Радичевић Ф. На имендан Његовој Свјетлости Данилу Петровићу Његошу Наследнику Црногорском. Цетиње. 17. Децембра 1874 // НИОР РГБ. Ф. № 40. II. Будилович и Добрянский. К. № 14. Ед. хр. № 22. Л. 1.

² Перевод автора статьи.

Рождества Христова, указывает на то, что уже тогда они интуитивно жили ожиданием грядущего пришествия в мир Христа, Солнца Правды. В этих строках Негош стремится постичь тайну обращения народов от тьмы язычества к новозаветной Истине:

Видь виденье дивное отныне:
Солнце правды согрело и землю,
Озарился мрачный храм-темница,
Стали легче для рабов оковы!
Сын, достойный Отца Предвечного,
Облачился в естество людское,
ополчился, взяв оружие правды
И святые просвещения стрелы,
Попирая зло и тиранию,
Добродетель освящая в храме.
<...> Пред Твоим ли ясным, светлым взором
Исчезает сам мрак уstraшенный;
при священном Твоем приближении
богохульны алтари падоша;
воскресеньем даже смерть сразил Ты,
небо эху хвалы Твоей вторит,
земля славит Спасителя мира! [Негош 2017: 223].

В сербской национальной картине мира, являющейся живым наследием и органичным продолжением общехристианской житийной литературы, героическая личность выступает непоколебимым орудием Божественной воли и противостоит злой силе, несущей смерть и разрушение:

Герой вычисляет зло и затем уничтожает его. Если же он не в силах истребить зло, он все равно не покоряется ему, сохраняя свободу даже ценой мученической смерти. Обладая божественной искрой, герой подчиняет ей свои мысли и поступки. Он служит самому высокому в себе — не жалея сил, преданно и отважно внимая голосу совести и разума и не давая воли чувствам и плоти. Герои — это те, кто творят историю: мученики, воины, святые [Познанович: 48].

В сербском эпосе яркий образец такого поведения запечатлен во многих народных песнях, где в несколько гиперболическом виде показаны мотивация и итог поступка героя в крайних, критических обстоятельствах, когда речь идет о сохранении чести и сербского имени. В качестве примера обратимся к эпической песне «Смерть воеводы Приезды». Согласно сюжету, на угрозы турецкого султана и его бесцеремонное требование к воеводе отдать свою саблю, коня и жену Елицу воевода отвечает решительным отказом, ломает саблю, лишает жизни коня, а жене оставляет выбор — покориться воле султана или сохранить свою честь и принять смерть вместе с ним. Не колеблясь, Елица жертвует жизнью, чтобы избежать рабского подчинения турку и измены христианской вере. Мотивы своего поступка, чрезвычайно для нее значимые, она специально акцентирует в своем ответе:

Волим с тобом часно погинути
Нег' љубити на срамоту Турке;
Нећу своју вјеру изгубити
И часнога крста погазит.

(Хочу с тобою чёстно погибнуть,
Чем любить на позор турок;
Не хочу потерять свою веру
И честной крест попать)¹ [Смрт вoјводе Пријезде: 505].

Приведенный сербский сюжет перекликается и с драматичной историей русской княгини-мученицы Евпраксии Зарайской, описанной в «Повести о разорении Рязани Батыем» [Повесть о разорении Рязани: 185–199] и в «Повести о Николе Заразском» [Повесть о Николе: 176–183]. В качестве параллели показательна и история «двух Лукреций», описанная писателем И. И. Лажечниковым в «Походных письмах русского офицера». Когда в 1812 г. Москву заплотонили «орды разноплеменные», и солдаты наполеоновской армии вломили в дом одного московского священника и похитили двух его дочерей, то сестры, желая избежать поругания, усыпив бдительность похитителей, сбросились с Каменного моста в Москве, разбившись насмерть к ужасу и посрамле-

¹ Перевод автора статьи.

нию французов [Походные записки: 19–20]. Сопутствующие обстоятельства и мужественная решимость сестер прямо отсылают к подвигу древних христианских святых — эдесских мучениц Домнины и ее дочерей Вероники и Просдокии, которые пострадали за веру Христову в начале IV в. в Антиохии в период правления римского императора Диоклетиана [Синаксарь]. Святитель Иоанн Златоуст в похвальном слове, посвященном их памяти, подчеркивает, что в добровольном лишении себя жизни ради сохранения целомудрия те явили гораздо большее мужество и силу духа, чем, если бы им пришлось терпеть истязания мучителей [Похвальная беседа: 895–897].

Эти и подобные им примеры героического самоотречения в ситуации выбора, предполагающего утрату жизни ради сохранения чести и человеческого достоинства, сформировались в лоне христианской культуры еще в период гонений на веру первых веков христианства под влиянием евангельских слов «И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне» (Мф. 10:28). В сербской национальной традиции с ее принципом неразрывного двуединства национального и духовного начал, сложилось особое почитание подвига мучеников, которые своей стойкостью и мужеством являют моральное превосходство над врагом. И в произведениях церковной гимнографии, и в народных песнях они воспеваются как герои. Такое понимание их подвига проистекает из самого значения греческого слова «μάρτυρας», что означает — «свидетель», а в новозаветное время также «мученик» [Греческо-русский словарь: 778].

Русский церковный историк В. В. Болотов, подробно анализируя нюансы семантики греческого слова в сопоставлении с восточными и славянскими языками, отмечал, что, русский аналог греческой лексемы — слово «мученик» — не передает в полной мере заложенное в греческом оригинале значение страдания как мужественного стояния за веру и свои идеалы. Болотов писал:

Но христианин грек смотрел на явление с другой стороны. Мученики — это борцы (ἁθληταί) веры; их мучение — это «подвиг» с оттенком торжественности, ἁγών. Μάρτυς, следовательно, не пассивный (мученик а participio passivi) страдалец, а герой — деятель [Болотов: 3].

Усвоение сербами богатого наследия христианской культуры совершалось благодаря следованию библейским примерам, отраженным в сербской средневековой литературе, фресковой живописи. Это происходило на фоне длительной вооруженной борьбы за свою религиозную и национальную самобытность в условиях, когда исторические сербские земли оказались на пересечении разных культур и цивилизаций. Все это способствовало формированию идеального типа сербского героя, готового самоотверженно сражаться за «крест честной и золотую свободу», как говорится в народных песнях Косовского цикла.

По наблюдению современного литературоведа и исследователя сербской эпической традиции Будимира Алексича, тема самопожертвования тесно связана с мотивом любви — одним из наиболее широко распространенных в Библии и в сербской народной поэзии [Алексич 2002: 499]. На примере эпических произведений, отразивших народное сознание, отчетливо прослеживается сербский героический идеал. Согласно ему зло должно быть решительно остановлено и получить справедливое воздаяние: правду следует отстаивать не только словом, но, в случае необходимости, и с оружием в руках, даже если это будет стоить герою самой жизни. Например, в поэме Петра Негоша «Горный венец» (1847) один из главных героев, владыка Черногории Данило, рассуждает о необходимости идти на великие жертвы, чтобы сокрушить зло вопреки [Речник: 1054]¹ обстоятельствам, говоря об этом как о священной обязанности каждого человека:

Ал' тирјанству стати ногом за врат,
довести га к познанију права,
то је људска дужност најсветија! [Горски вијенац: 44]

Но тиранству стать пятой на горло,
привести его к познанию правды
есть святейший долг всех человеков! [Негош 1988: 67]

¹ Ср. значение однокоренного сербского слова «пркос» — 'упорство, непреклонность'. Речник српскога језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. С. 1054.

Психологическая достоверность и жизненность сюжетов и образов эпических песен делает их наиболее убедительными, а описываемый в них неизменный общехристианский и общеславянский тип поведения героя, следующего евангельскому завету «полагать душу свою за други своя» (Ин. 15: 13), находит конкретное воплощение в реальных исторических обстоятельствах. К таковым примерам можно отнести целый ряд впечатляющей героики: и подвиг русского изобретателя «мертвой петли» летчика штабс-капитана Петра Николаевича Нестерова (1887–1914), протаранившего самолет противника и пожертвовавшего своей жизнью [Керсновский: 232], и легендарное сражение Первой мировой войны, связанное с героической обороной солдатами и офицерами Русской императорской армии крепости Осовец в августе 1915 г. [Свечников: 59]. Последнее событие вошло в историю как «атака мертвецов», однако нельзя утверждать, что оно стало достоянием коллективной исторической памяти наших соотечественников. Между тем среди современных сербов достаточно широко известен подвиг майора Драгутина Гавриловича (1882–1945) и слова, которыми в октябре 1915 г. во время обороны Белграда он поднял своих солдат в контратаку:

Воины! Герои! Верховное командование вычеркнуло нас из списка живых. Наш полк приносится в жертву — ради спасения и славы Отечества и Белграда. Вам не надо больше думать о собственных жизнях, которые больше не существуют. Поэтому вперед, на смерть — и славу! За Короля и Отечество! [Гавриловић: 86].

В описанных русских и сербских примерах стойкости и мужества прослеживаются и отголоски античного отношения к воинской славе. Известно, например, что в древности эпическая поэзия, воспевая ратные подвиги героев, хотя служила попутно языческому обожествлению страстей, являлась одновременно и мощным облагораживающим фактором: посмертная слава считалась для воинов высшей наградой, в то время как самым большим наказанием было забвение [Зелинский: 43]. Не случайно древнегреческий историк Геродот, описывая сражение при Фермопилах, сообщает, что он узнал имена доблестных воинов царя Леонида, «так как они заслуживают хвалы» [Геродот: 477–478].

В русской классической литературе тема сохранения исторической памяти о ратном подвиге приобрела несколько иное, преимуществен-

но нравственное звучание. Так, А. С. Пушкин в «Романе в письмах» (1829) и в «Примечании о памятнике князю Пожарскому и гражданину Минину» (1836) сетует на излишний лаконизм в упоминании значимых лиц для истории России, чей образ не отображается в современной ему действительности как должно. По мнению поэта, наблюдаемое им уничтожение русских исторических родов происходит от забвения в народе «настоящих имен своих избавителей»:

Да какой гордости воспоминаний ожидать от народа, у которого пишут на памятнике: Гражданину Минину и князю Пожарскому. Какой князь Пожарский? Что такое гражданин Минин? Был окольный князь Дмитрий Михайлович Пожарский и мещанин Козьма Минич Сухорукий, выборный человек от всего государства [Пушкин: 100].

В сербских эпических песнях и в литературных произведениях, восхваляющих подвиги героев, стремление сохранить для памяти потомков примеры воинской доблести соединено с прославлением их твердого христианского выбора, сделанного из любви к Богу и Отечеству. Возможно, одно из лучших литературных отражений воинского служения и его значения в сербском сознании — сочинение черногорского воеводы Марко Милянова Поповича (1833–1901) «Примеры человечности и героизма» [Милянов 1996: 375] (1901). Это произведение представляет собой значительную этнографическую и историческую ценность для исследователя сербской народной культуры и национального самосознания. Его автор Марко Милянов после многолетних сражений, выпавших ему на долю, отложил оружие и взялся за перо, чтобы, по его собственному выражению, во избежание великого греха, извлечь из мрака забвения подвиги тех, «кто умирает за нашу и Божью правду» [Милянов: 5].

Книга прославила храброго воеводу и доблестного воина еще и как носителя эпической традиции и незаурядного писателя — «блистательного выразителя народной этики в форме короткой притчи (литературного анекдота) на рубеже XIX – XX веков» [Джеркович: 283]. В предисловии к своему сочинению Марко Милянов подчеркивает исключительное значение воинского подвига. По его мнению, «Богу ближе тот, кто за него в муках умирает, чем тот, кто носит вериги» [Милянов: 5]. В беседе с Валтазаром Богишичем (1834–1908), серб-

ским правоведом и этнографом из Далмации, Марко Милянов раскрыл содержание выражения «*чојство и јунаштво*» («человечность и героизм»), давно ставшего в сербском языке крылатым. Он пояснял: «Героизм — это когда человек защищает себя от другого человека, а человечность — это когда человек защищает другого от себя» [Милянов 2005: 57].

По мнению Николы Колевича (1936–1997), сербского литературоведа и исследователя творчества Шекспира, ярким олицетворением этих начал в сербском эпосе, — а тем самым и в национальной культуре, — служат две личности: примером героизма является Милош Обилич, сразивший турецкого султана в битве на Косовом поле (1389), а человечности и великодушия — Королевич Марко. Оценивая значение для сербов подвига Косовского витязя Милоша Обилича, Негош в поэме «Горный венец» восклицает:

О Милоше, ко ти не завиди?
Ти си жртва благородног чувства,
воинствени гениј свемогући,
гром стравични те круне раздраба! [Горски вијенац: 26]

Как завидна твоя доля, Милош!
Ты – святая жертва благородства,
всемогущий гений грозной брани,
гром ужасный, что крушит короны! [Негош 1988: 54]

Королевич Марко представлен в сербском эпосе как народный мститель, воинственный заступник всех слабых и беззащитных. При этом он готов проявить истинное великодушие к противнику, оценив по достоинству его силу и неустрашимость. Например, в песне «Марко Королевич и Муса Кеседжия» Марко, с большим трудом одолев своего противника, искренне сокрушается, говоря: «лучшего, чем я, сгубил юнака...» [Српске народне пјесме: 410]. Именно с именем королевича Марко связан в народном сознании и воплощенный в эпических песнях сербский этический кодекс. Его суть выражена в знаменитых словах матери королевича Марко Ефросимы из народной песни «Урош и Мрнявчевичи». В ней мать, поучая своего героического сына, закликает его даже ценой своей жизни остерегаться того, чтобы запятнать свою

душу грехом, и велит ему всегда судить «не в угоду отцу или дядькам, но по правде истинного Бога»:

Немој, сине! говори криво,
Ни по бабу, ни по стричевима;
Већ по правди Бога истинога,
Немој, сине, изгубити душе;
Боље ти је изгубити главу:
Него своју огрјешити душу! [Српске народне пјесме: 193–194]

Частые боевые столкновения с турками и непримиримая борьба с местными потурченцами стали причиной того, что доблесть и врожденная храбрость сербских воинов получили наиболее полное воплощение в «непокорной Черногории» (*ломна Црна гора*), как ее именуют эпические песни [Лазо]. Историк Черногории Милорад Медакович (1824–1897) так описывает положение в этом крае, издавна считавшемся «островком сербской свободы посреди агарянского моря»:

Воеводы сербские в Зете и Черногории не хотели терпеть самоволия и засилья инородцев и защищали свою независимость до последней капли крови и, когда их совсем потеснили, отступили в горную местность и сохранили святыню сербского имени [Повјесница: 174].

Такая борьба за веру и народные святыни неразрывно соединилась в сербском сознании, со времен османского ига, с освобождением родной земли от захватчиков. В дальнейшем это послужило развитию историософских представлений о Черногории как о «вековом и неприступном редуте христианства» [Святой Николай Сербский: 100] на гористых Балканах, благодаря чему та получила в трудах русских ученых и путешественников XIX в. именование «сербской, или славянской Спарты» [Осипова 2024: 188–197].

Показательна оценка славянофила И. С. Аксакова, основателя Славянского благотворительного комитета (1858), посетившего сербские земли в 1860-е гг. Делясь своими впечатлениями о Черногории, он писал о ней как о «четырёхвековом протесте *всего* славянского племени против мусульманской тирании в христианской Европе»: «...отказаться от этого протеста — для Черногории то же, что подписать себе смерт-

ный приговор» [Аксаков: 51]. Этой свободолюбивой идее было подчинено устройство жизни и народного быта Черногории, воплотившей в себе наиболее характерные черты всего сербства. Сами же черногорцы являли собой самую храбрую часть сербского народа. Черногория со столицей в Цетине, на бумаге входившая в состав Османской империи, находилась, однако, в состоянии постоянной войны с турками и потому сохранила свою национальную и духовную независимость.

Одухотворяющая идея всегда твердо стоять на защите православной веры и отечества отразилась и в облике храмов и церковных зданий Черногории. Например, резиденция черногорских митрополитов — Цетинский монастырь, по свидетельству русских путешественников и военных, представлял собой нечто вроде военной крепости, защищенной каменными стенами с брустверами, снабженными пушками [Броневский: 192]. В этой связи не менее красноречивы строки из воспоминаний участника Первого сербского восстания против турок протоиерея Матфея Ненадовича (1777–1854), описывающего свои впечатления от пребывания в Киево-Печерской Лавре на пути в Россию, предпринятом для получения военной помощи. Восхищаясь редким благолепием этой древней обители, Ненадович при этом обращает сугубое внимание на сложенные на ее территории у входа в пещеры ядра для пушек и признается:

Я Киево-Печерскую Лавру и ея красоты, наружные и внутренние, не могу описать. Нужно было бы долго пробыть там, да и тогда я не в силах был бы описать все великолепие и прелесть. Впрочем, что показалось всего дороже в глазах моих в ту пору, это — сложенные вокруг всей церкви ядра для пушек всякой величины (калибра), и мне казалось — их так много, что всех повозок в Сербии не было бы достаточно, чтоб их свести одним разом, ибо они лежали в несколько рядов, вышиною более *фата*¹. Я сказал своим товарищам, что я бы лучше желал 12-ю долю только одного ряда этих ядер и несколько этих пушек перевезти на Врачар, нежели все колокола Святой Лавры навешать в Сербии по церквам [Записки: 49–50]².

¹ Священник Матфей Ненадович использует в своем описании слово «фат» (или «фад»), обозначающее устаревшую меру длины (около 1,8 м), которая использовалась в балканских странах. Слово происходит от немецкого «faden», что означает «сажень» или «шнур».

² Колоколов не было позволено иметь христианам в Сербии при турецком владычестве — оттого священник сельский, Ненадович, употреблял

Следовательно, согласно традиционному сербскому пониманию, православные святые нуждаются и в молитвенном почитании, и в вооруженной защите.

Таким образом, анализ приводимых в статье примеров героического поведения из сербских народных песен и поэмы Петра II Петровича Негоша «Горный венец», а также из произведений документальной и исторической прозы показывает, что героическое начало является определяющим для сербской культуры и национальной традиции. Оно художественно отображается в многочисленных жанрах и направлениях сербской литературы Средних веков и Нового времени. Благодаря этому героическому стержню сербские эпические песни по своим идейным и художественным достоинствам не уступают крупным эпосам других европейских народов и стоят в одном ряду с поэмами Гомера, французской «Песней о Роланде», с испанской «Песнью о моем Сиде» и др.

На этот факт еще в XIX в. указывали многочисленные русские слависты, фольклористы и литераторы, изучающие эпические традиции славянских и других европейских народов. Среди них — И. И. Срезневский [Срезневский: 85–128], П. И. Прейс [Прейс: 48], Н. И. Надеждин [Надеждин 1841: 327–348], [Надеждин 1842: 81–128], Ф. И. Буслаев [Буслаев: 216–244], В. И. Ламанский [Ламанский: 49–96] и др. Особого внимания заслуживают работы сербского этнографа и антрополога Йована Цвиича (1865–1927). В своей известной работе «Балканский полуостров и южнославянские земли» он подчеркивал, что анализ образов и сюжетов сербских народных песен позволяет как нельзя лучше почувствовать «характер, способ мышления и сознание южнославянских этнических групп» [Цвијић: 4].

В наше время исследовательскую традицию Цвиича по изучению сербского героического эпоса как отражения особенностей национальной психологии и религиозного опыта продолжили литературовед Будимир Алексић [Алексић 2016: 215], богослов и церковный писатель епископ Афанасий (Евтич) [Атанасије 2002: 360–384], ставрофорный протоиерей Савва Йович [Јовић: 387] и другие авторы. Они отмечали, что такие черты национального характера, как жертвенность, свободо-

ет это сравнение как недоступную для него драгоценность. — Примечание издателей журнала «Русская беседа» [Записки 1859: 49–50].

любие и великодушие в сочетании с храбростью и стойкостью в испытаниях определены глубоким христианским мироощущением сербов. Наиболее ярким подтверждением этой мысли, с их точки зрения, служит Косовский цикл народных песен, наиболее полно воплотивший в себе характерный для сербской национальной традиции принцип неразрывного двуединства героизма и мученичества.

Давние исторические и культурные связи между русскими и сербами позволяют поставить вопрос о сходстве и различиях в восприятии героизма и ратного служения в русской литературе и сербской национальной традиции, синкретически вмещающей в себя богатое эпическое наследие, произведения художественной литературы и гимнографии. Сравнительный анализ упомянутых в статье русских и сербских сюжетов и образов героического содержания указывает на особенности национальной специфики, которая обусловлена влиянием своеобразного исторического пути каждого из православных славянских народов. Вместе с тем исследование выявляет, что описанные в русской и сербской литературах примеры героического поведения в ситуациях экзистенциального выбора восходят к единому сознанию, зародившемуся еще в период индоевропейской общности. Свое дальнейшее развитие и оформление это сознание получило в рамках исторического опыта христианской Европы, неотъемлемой частью которой являются и славянские народы. Сделанные наблюдения позволяют по-новому взглянуть на роль и значение героического начала в славянских литературах и расширить наши представления о его художественном освоении в русской культуре.

Список литературы

Источники

Аксаков И. С. Договор Порты с Черногориею // Аксаков И. С. Собр. соч. СПб.: ООО Росток, 2015. Т. 1: Славянский вопрос, кн. 1. 637 с.

Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. В. Тихомирова. М.: Худож. лит., 1975. 752 с.

Броневский В. Б. Записки морского офицера, в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Николаевича Сеньявина от 1805 по 1810 год. Часть первая. СПб.: Морская тип., 1818. 329 с.

Болотов В. В. Лекции по Истории Древней Церкви. II. История Церкви в период до Константина Великого. Посмертное издание под ред. проф. А. Бриллиантова. С.-Петербург: Тип. М. Меркушева, 1910. 474 с.

Буслаев Ф. И. Следы славянских эпических преданий в немецкой мифологии // Народная поэзия. Исторические очерки ординарного академика Ф. И. Буслаева. СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. С. 216–244.

Вазов Иван. Свобода или смерть // Вазов Иван. Избранное: в 2 т. М.: Худож. лит., 1977. Т. 1: Стихи. Проза. 368 с.

Геродот. История / пер. и примеч. Г. А. Стратановского. М.: АСТ, 2007. 696 с.

Греческо-русский словарь, составленный А. Д. Вейсманом, экстраординарным профессором С. Петербургского историко-филологического института. Изд. 2-ое. СПб.: Издание автора, 1882. 1374 с.

Достоевский Ф. М. «Речь о Пушкине» (1880) // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 129–149.

Записки Сербского протоиерея Матвея Ненадовича // Русская беседа. Смесь. М.: В Тип. Александра Семена. 1859. II. С. 1–56.

Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч.: в 10 т. / сост., вступ. статья и комм. Ю. Т. Лисицы. М.: Русская книга, 1996. Т. 1. 400 с.

Кульбакин С. М. Сербский язык: 1–2. Харьков: тип. и лит. М. Зильберберг и сыновья, 1915. 110 с.

Ламанский В. И. Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1871. Ч. 153. Январь. Отд. II. С. 1–48; Февраль. С. 49–96.

Милян Марко. Примеры гуманности и героизма. Подгорица: Культурно-просветна заједница; М.: Институт славистики и балканологије РАН; Београд: Фонд словенских писмености и култура, 1996. 327 с.

Надеждин Н. И. Записка о путешествии по южно-славянским странам // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1842. Ч. 34. Отд. II. С. 1–42, 81–128.

Надеждин Н. И. Письмо из Вены о сербских песнях // Москвитянин. М.: В Университетской тип., 1841. Ч. 3, № 6 (июнь). С. 515–525.

Негош Петр II Петрович. Горный венец // Горный венец; Самозванец Степан Малый (поэмы). / под ред. О. Кутасовой. М.: Худож. лит., 1988. 365 с.

Негош Петр II Петрович. Луч микрокосма. Перевод с сербского Ильи Числова. Никшич-Белград: Книжевно друштво «Његош»; «Штампар Макарије», 2017. 223 с.

Песнь о Роланде. Старофранцузский героический эпос / пер. Ю. Б. Корнеева; изд. подгот. И. Н. Голенищев-Кутузов, А. А. Смирнов, Г. А. Стратановский. Л.: Наука, 1964. 192 с.

Повесть о Николе Заразском // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / вступит. статья Д. С. Лихачева, под общей ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 176–183.

Повесть о разорении Рязани Батыем // Памятники литературы Древней Руси: XIII век. / вступ. ст. Д. С. Лихачева, под общ. ред. Л. А. Дмитриева и Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1981. С. 185–199.

Походный записки Русакого Офицера, изданныя И. Лажечниковым. СПб.: в Медицинской типографии, 1820. 353 с.

Похвальная беседа о святых мученицах Веронике и Просдоке девах и о матери их Домнине // Творения святого отца нашего Иоанна Златоуста, архиепископа Константинопольского, в русском переводе. СПб.: Издание СПб. Духовной Академии, 1902. Т. 8, Кн. 2. На святого первомученика Стефана. С. 895–897.

Прейс П. И. О эпической народной поэзии сербов: [Речь, произнесенная в торжественном собрании Императорского Санкт-Петербургского университета] / [Соч.] Петра Прейса. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1845. 18 с.

Пушкин А. С. Роман в письмах // Пушкин А. С. Полн. собр. соч. в 20 т. СПб.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, Наука, 2024. Т. 9, кн. 1: Романы и повести 1819–1832. 551 с.

Свечников М. С., Буняковский В. Я. Оборона крепости Осовец во время второй, 6½ месячной осады её. Пг.: тип. Николаевской Военной Академии, 1917. 59 с.

Святой Николай Сербский, епископ. Сербский народ как раб Божий / пер. с серб. И. М. Числова. М.: Паломник, 2010. 137 с.

Срезневский И. И. Обзорение древних памятников словенской поэзии // Журнал Министерства народного просвещения. СПб.: В тип. Императорской Академии наук, 1839. Ч. 24. Отд. II. С. 85–128.

Синаксарь: Жития святых Православной Церкви: в 6 т. / адаптир. пер. с франц. / авт. сост. иером. Макарий Симонопетрский. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2011. Т. 1. Сентябрь–октябрь. 944 с.

Хомяков А. С. Мечта // Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М.: Университетская тип., 1900. Т. 4: Трагедии и стихотворения. 416 с.

Хомяков А. С. Сербская песня // Хрестоматия для всех: русские поэты в биографиях и образцах / сост. Н. В. Гербель. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1873. 664 с.

Церович Мила. Крестная слава — краеугольный камень сербского народа URL: <https://monastery.ru/zhurnal/obshchestvo/krestnaya-slava-kraeugolnyy-kamen-serbskogo-naroda/> (дата обращения: 13.08.2025)

Гавриловић Мајор Драгутин. У одбрану Београда // Најлепше беседе српскога језика: од Стефана Немање до Матије Бећковића. Београд: Граматик, 2005. С. 86.

Горски вијенац Владике Црногорскога Петра Петровића II Његоша. Осмо издање с коментаром Милана Решетара. Београд: Издање С. Б. Цвијановића, 1923. 174 с.

Kuripešić Benedict. Putopis kroz Bosnu, Srbiju, Bugarsku i Rumeliju 1530. Fototipsko izdanje. Banja Luka, 2006. 56 с.

Лазо бајрактар и Тептиш-буљубаша // Српске народне пјесме из необјављених рукописа Вука Стеф. Караџића, Српска академија наука и уметности, Одељење језика и књижевности, Београд 1974. URL: http://srpskaenciklopedija.org/doku.php?id=лазо_бајрактар_и_тептиш-буљубаша (дата обращения: 03.03.2025).

Миљанов Војвода Марко. Најкраћа беседа // Најлепше беседе српскога језика: од Стефана Немање до Матије Бећковића. Београд: Граматик, 2005. С. 57.

Миљанов Марко. Примјери чојства и јунаштва. Цетиње: Обод, 1996. 375 с.

Повјесница црногорска. Подгорица: Унирекс; Београд: ЈУ Унирекс МБ, 1997. 812 с.

Сан царице Милице // Српске народне пјесме из Босне и Херцеговине: Јуначке пјесме старијег времена. Књига трећа. Скупио Богољуб Петрановић. Београд: У Биограду, у државној штампарији 1870. С. 187–196.

Смрт војводе Пријезде // Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. Беч: У Бечу, у штампарији Л. Соммера и друга, 1875. С. 505.

Српске народне пјесме, скупио их и на свијет издао Вук Стеф. Караџић. Књига друга, у којој су пјесме јуначке најстарије. Беч: У Бечу, у штампарији Л. Соммера и друга, 1875. С. 410.

Цамблак Григорий. Пространно житие на Стефан Дечански (болг.). URL: <https://www.slovo.bg/showwork.php3?AuID=450&WorkID=15756&Level=1> (дата обраче-
ния: 03.03.2025).

Исследования

Джеркович Вукале П. Марко Милянов и черногорско-русские культурные связи // Марко Милянов Попович. Примеры гуманности и героизма. Подгорица: Културно-просвјетна заједница; М.: Институт славистики и балканологије РАН; Београд: Фонд словенских писмености и култура, 1996. 327 с.

Зелинский Ф. Ф. История античной культуры. М.: Вече, 2019. 464 с.

Керсновский А. А. История Русской армии: в 4 т. М.: Голос, 1994. Т. 4: 1915–1917 гг. 368 с.

Кузьмичева Л. В. Московские славянофилы и сербский вопрос в 50–60 гг. XIX в. // Историки-слависты МГУ. Кн. 10: Славянский мир профессора Матвеева / отв. ред. Г.Ф. Матвеев. М.: Издательство Московского университета, 2013. С. 80–95.

Осипова Е. А. Героический образ Черногории в русской литературе начала XIX в. // Вестник славянских культур. 2024. Т. 72. С. 188–197. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-188-197>

Осипова Е. А. О некоторых особенностях сербской гимнографии. Традиция восхваления ратного и христианского героизма князя Лазаря и других мучеников Косовских // Христианская гимнография: история и современность: коллективная монография / отв. ред. М. Р. Ненарокова. М.: ИМЛИ РАН, 2019. С. 492–507.

Познанович Желько. Сербская идея / пер. с сербского Юлии Утенковой, предисл. и комм. И. М. Числова. М.: Б. и., 2000. 112 с.

Числов И. М. О роли святого Саввы в духовном становлении сербского народа // Славянский филологический сборник. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. Вып. 2: Традиция в развитии славянских культур (по материалам международных конференций). С. 77–86.

Числов И. М. Празднование Рождества у сербов // Вестник славянских культур. 2001. № 4. С. 27–31.

Числов И. М. Солнечный героизм Негоша. О некоторых типических особенностях поэмы «Луч микрокосма» // Актуальные вопросы светской и духовной словесности. / ред. М. И. Щербакова. Вып. 1. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2017. С. 131–141.

Алексић Будимир. Саможртвени хероизам. Од Библије до наше народне епике // Цетињска богословија 1992–2002. Споменица о десетогодишњици обновљеног рада Богословије Светог Петра Цетињског. Цетиње: Цетињска богословија, 2002. С. 499.

Алексић Будимир. Библија и српска епика. Никшић: Институт за српску културу, 2016. 215 с.

Атанасије (Јевтић), епископ. Духовни живот у Срба // Небеска Србија. Како су Срби служили Христу. Манастир Светог Архиђакона Стефана, Сланци, 2002. С. 360–384.

Атанасије (Јевтић), епископ. Свети Сава и косовски завет. Београд: Српска књижевна задруга, 1992. 355 с.

Вукић Предраг. Гусле у Црној Гори некад и сад // Гусле: лист Савеза гуслара Србије: часопис о историји, традицији, култури и уметности на српском језику / главни и одговорни уредник: Бранко Конатар. Год. 16. С. 25 (2013). Београд: Алта Нова.

Јовић, Саво Б. Методички приступ епским народним песмама са јеванђељским мотивима: докторска дисертација. Београд: Универзитет у Београду, Филозофски факултет, 2013. 387 с.

О Serbji i Serbach: krótki zarys napisal Antoni Miecznik. Warszawa: nakł. i drukiem M. Arcta, 1904. 114 s.

Михајловић Лајић Данка Др. Певање уз гусле као репрезентативно културно наслеђе Србије // Гусле: лист Савеза гуслара Србије: часопис о историји, традицији, култури и уметности на српском језику / главни и одговорни уредник: Бранко Конатар. Год. 16, бр. 25 (2013). Београд: Алта Нова.

Речник српског језика. Нови Сад: Матица Српска, 2007. 1561 с.

Сувајџић Бошко. Марко Краљевић и брат му Андријаш // Народна књижевност. Епске песме у старијим записима. Београд: Филолошки факултет; Крагујевац: Нова светлост, 1998. С. 31.

Топић Мирослав, Буњак Петар. Укрштања и паралеле: о пољским преводима српске народне поезије. Београд: EAT Eco Art & Theory, 2015. 141 с.

Цвијић Јован. Балканско полуострво и Јужнословенске земље. Основи антропо-географије. Књ. 2: Психичке особине Јужних словена. Београд: Издавачка књижа-рица Геце Кона, 1931. 254 с.

References

Dzherkovich Vukale, P. "Marko Milianov i chernogorsko-russkie kul'turnye sviazi" ["Marko Miljanov and Montenegrin-Russian Cultural Relations"]. *Marko Milianov Popovich. Primery gumannosti i geroizma* [Marko Miljanov Popović. *Examples of Humanity and Heroism*]. Moscow, Institute of Slavic Studies and Balkanology of the Russian Academy of Sciences Publ.; Belgrade, Foundation of Slavic Scripts and Cultures Publ., 1996. 327 p. (In Russ.)

Zelinskii, F. F. *Istoriia antichnoi kul'tury* [History of Ancient Culture]. Moscow, Veche Publ., 2019. 464 p. (In Russ.)

Kersnovskii, A. A. *Istoriia Russkoi armii: v 4 t.* [History of the Russian Army: in 4 vols.], vol. 4: 1915–1917. Moscow, Golos Publ., 1994. 368 p. (In Russ.)

Kuzmicheva, L. V. “Moskovskie slavianofily i serbskii vopros v 50–60 gg. XIX v.” [“Moscow Slavophiles and the Serbian Question in the 1850s and 1860s”]. *Istoriki-slavisty Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta. Kniga 10: Slavianskii mir professora Matveeva* [Slavic Historians of Moscow State University. Book 10: The Slavic World of Professor Matveyev]. Moscow, Moscow State University Publ., 2013, pp. 80–95. (In Russ.)

Osipova, E. A. “Geroicheskii obraz Chernogorii v russkoi literature nachala XIX v.” [“The Heroic Image of Montenegro in Russian Literature of the Early 19th Century”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 72, 2024, pp. 188–197. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2024-72-188-197> (In Russ.)

Osipova, E. A. “O nekotorykh osobennostiakh serbskoi gimnografii. Traditsiia voskhvaleniia ratnogo i khristianskogo geroizma kniazia Lazaria i drugih muchenikov Kosovskikh” [“On Some Features of Serbian Hymnography. The Tradition of Praising the Military and Christian Heroism of Prince Lazar and Other Martyrs of Kosovo”]. *Khristianskaia gimnografiia: istoriia i sovremennost'* [Christian Hymnography: History and Modernity]. Moscow, IWL RAS Publ., 2019, pp. 492–507. (In Russ.)

Poznanovich, Zhelko. *Serbskaia ideia* [The Serbian Idea], trans. from Serbian by Iu. Utenkova, introd. and comm. by I. M. Chislov. Moscow, [s. n.], 2000. 112 p. (In Russ.)

Chislov, I. M. “O roli sviatogo Savvy v dukhovnom stanovenii serbskogo naroda” [“On the Role of Saint Sava in the Spiritual Development of the Serbian People”]. *Slavianskii filologicheskii sbornik. Vypusk. 2: Traditsiia v razvitii slavianskikh kul'tur (po materialam mezhdunarodnykh konferentsii)* [Slavic Philological Collection. Issue 2: Tradition in the Development of Slavic Cultures (Based on the Materials of International Conferences)]. Moscow, Institute of Slavic Studies of the RAS Publ., 2012, pp. 77–86. (In Russ.)

Chislov, I. M. “Prazdnovanie Rozhdestva u serbov” [“The Celebration of Christmas in Serbia”]. *Vestnik slavianskikh kul'tur*, no. 4, 2001, pp. 27–31. (In Russ.)

Chislov, I. M. “Solnechnyi geroizm Negosha. O nekotorykh tipicheskikh osobennostiakh poemy ‘Luch mikrokosma’” [“The Solar Heroism of Njegosh. On Some Typical Features of the Poem ‘The Ray of the Microcosm’”]. *Aktual'nye voprosy svetskoi i dukhovnoi slovesnosti* [Current Issues in Secular and Spiritual Literature], issue 1. Moscow, “U Nikitskikh vorot” Publ., 2017, pp. 131–141. (In Russ.)

Aleksih, Budimir. “Samozhrtveni kheroizam. Od Biblije do nashe narodne epike” [“Self-sacrificing Heroism. From the Bible to Our Folk Epic”]. *Tsetinjska bogoslovija 1992–2002. Spomenitsa o desetogodishnjoj obnovljenog rada Bogoslovije Svetog Petra Tsetinskog* [Tsetinjska bogoslovija 1992–2002. Commemoration of the Tenth Anniversary of the Renewed Work of the Theology School of St. Peter of Tsetinjski]. Tsetinje, Tsetinjska bogoslovija Publ., 2002. 499 p. (In Serbian)

Aleksih, Budimir. *Biblija i srpska epika* [The Bible and Serbian Epic Poetry]. Nikshich, Institute for Serbian Culture Publ., 2016. 215 p. (In Serbian)

Atanasije (Jevtiћ), episkop. "Dukhovni zhivot u Srba" ["The Spiritual Life of the Serbs"]. *Nebeska Srbija. Kako su Srbi sluzhili Khristu* [Heavenly Serbia: How the Serbs Served Christ]. Slantsi, Monastery of St. Archdeacon Stefan Publ., 2002, pp. 360–384. (In Serbian)

Atanasije (Jevtiћ), episkop. *Sveti Sava i kosovski zavet* [Saint Sava and the Kosovo Covenant]. Belgrade, Serbian Literary Association Publ., 1992. 355 p. (In Serbian)

Vukih, Predrag. "Gusle u Tsrnoj Gori nekad i sad" ["The Gusle in Montenegro: Then and Now"]. *Gusle: list Saveza guslara Srbije: chasopis o istoriji, traditsiji, kulturi i umetnosti na srpskom jeziku* [Gusle: Journal of the Association of Gusle Players of Serbia — a Magazine on the History, Tradition, Culture, and Art of the Serbian People]. Belgrad, Alta Nova Publ., 2013. 25 p. (In Serbian)

Jovih, Savo B. *Metodichki pristup epskim narodnim pesmama sa jevanђeљskim motivima* [A Methodological Approach to Epic Folk Poems with Gospel Motifs: DSc Dissertation Thesis]. Belgrade, University of Belgrade, Faculty of Philosophy Publ., 2013. 387 p. (In Serbian)

Miecznik, Antoni. *O Serbji i Serbach: krótki zarys* [On Serbia and the Serbs: A Brief Outline]. Warszawa, Arcta Publ., 1904. 114 p. (In Polish)

Mikhajloviћ, Lajiћ Danka Dr. "Pevaњe uz gusle kao reprezentativno kulturno nasleђe Srbije" ["Singing to the Accompaniment of the Gusle as a Representative Cultural Heritage of Serbia"]. *Gusle: list Saveza guslara Srbije: chasopis o istoriji, traditsiji, kulturi i umetnosti na srpskom jeziku* [Gusle: Journal of the Association of Gusle Players of Serbia — a Magazine on the History, Tradition, Culture, and Art of the Serbian People]. Belgrad, Alta Nova Publ., 2013. 25 p. (In Serbian)

Rechnik srpskoga jezika [Dictionary of the Serbian Language]. Novi Sad, Matitsa Srpska Publ., 2007. 1561 p. (In Serbian)

Suvajih, Boshko. "Marko Kraљevih i brat mu Andriјash" ["Marko Kraljeviћ and His Brother Andriјash"]. *Narodna knъizhevnost. Epske pesme u stariјim zapisima* [Folk Literature: Epic Poems in Early Records]. Belgrade, University of Belgrade, Faculty of Philosophy Publ., 1998. 31 p. (In Serbian)

Topih Miroslav, and Petar Vuњak. *Ukrshthaњa i paralele: o poљskim prevodima srpske narodne poezije* [Intersections and Parallels: On Polish Translations of Serbian Folk Poetry]. Belgrade, EAT Eco Art & Theory Publ., 2015. 141 p. (In Serbian)

Tsvijih Jovan. "Balkansko poluostrvo i Juzhnoslovenske zemљe" ["The Balkan Peninsula and the South Slavic Lands"]. *Osnovi antropogeografije* [Foundations of Anthropogeography], book 2: Mental Characteristics of the Southern Slavs. Belgrade, Publishing kosharitsa Gete Kona Publ., 1931. 254 p. (In Serbian)